

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
Центр изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ КИТАЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской
научной конференции
Центра изучения
новейшей истории Китая
и его отношений с Россией
Института Дальнего Востока
РАН

Москва, 17 – 18 февраля 2016 г.

Москва
ИДВ РАН
2016

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)
И90

*Утверждено к печати
Учёным советом ИДВ РАН*

Редакционная коллегия:

д.и.н. Н.Л. Мамаева (отв. редактор), к.и.н. Д.А. Смирнов,
к.и.н. А.С. Ипатова, к.и.н. И.Е. Пожилов, к.и.н. Г.И. Саркисова,
с.н.с. А.Л. Верченко, с.н.с. Т.Г. Герасимова (отв. секретарь)

И90 Исторические события в жизни Китая и современность. Материалы Всероссийской научной конференции Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. Москва, 17—18 февраля 2016 г. — М. : ИДВ РАН, 2016. — 384 с.

ISBN 978-5-8381-0316-1

Статьи сборника написаны участниками IV Всероссийской научной конференции, имеющей знаковое название — «Исторические события в жизни Китая и современность». Широкий временной и тематический охват событий позволяет представить историю Китая во всем ее многообразии и развитии, показать воочию расширение сферы исследований, неоднозначность и дискуссионный характер отдельных принципиально важных оценок, продемонстрировать связь истории и современности. Массовый характер приобрело внедрение в исследовательский процесс новых архивных документов и материалов, что повышает уровень научных работ и углубляет объективность их результатов.

Помимо научных результатов конференция продемонстрировала собрание сил российских историков как в региональном плане (Москва, Санкт-Петербург, Оренбург, Екатеринбург, Казань, Красноярск, Тюмень, Ростов-на-Дону и др.), так и в возрастном, причем по сравнению с предыдущими форумами увеличилось число молодых ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов, что в определенной степени связано с ростом авторитета данной конференции в научных кругах.

УДК 082(510)
ББК 94.3(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0316-1

© Коллектив авторов, 2016
© ИДВ РАН, 2016

Содержание

Вступительное слово академика С.Л. Тихвинского на открытии IV Всероссийской научной конференции «Исторические события в жизни Китая и современность»	6
---	----------

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Гулина Е.В.</i> Стратегическая культура и внешнеполитическая традиция КНР в межгосударственных отношениях. Значение для российско-китайского регионального взаимодействия на примере Центральной Азии	10
<i>Сизова А.А.</i> Оценки монгольского движения за независимость начала XX в. в трудах современных китайских исследователей	19
<i>Ипатов А.С.</i> Пекинская жизнь российской духовной миссии в XVIII — начале XIX в.	30
<i>Саркисова Г.И.</i> Архивные материалы по истории русско-китайских отношений во второй половине XVIII в.	41
<i>Харченко М.П.</i> Эволюция внешнеполитических взглядов КНР в ООН	51
<i>Балакин В.И.</i> Влияние Японии на становление тайваньского национализма	62
<i>Карпенко Е.В.</i> Портреты русско-китайской торговли: «советник торговых кругов» Чэн Хуапэн	72
<i>Хамзин И.Р.</i> МИД России и решение проблемы российско-китайской границы в Восточном Туркестане в 1870—1880-е годы	81
<i>Касимова Е.Н.</i> Нанкинская резня 1937 г. в книге Айрис Чан «Насилие в Нанкине. Забытый холокост времен Второй мировой войны»	88

<i>Куликова Г.В.</i> Народная дипломатия и российско-китайские отношения	96
<i>Ларин В.В.</i> Китай и украинский кризис 2014 г.	105
<i>Шитов А.В.</i> К вопросу о характеристике процесса нормализации советско/российско-китайских отношений	116
<i>Сухадольская Л.Л.</i> Проблема гармонии во внешней политике КНР	126
<i>Син Юань-юань.</i> Основные характеристики трехсторонних отношений между Китаем, Россией и Японией	136
<i>Сотникова И.Н.</i> Некоторые аспекты формирования нормативно-правовой базы советско-китайских экономических связей и других форм сотрудничества	146

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КИТАЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Ломанов А.В.</i> Чу Аньпин и либеральный журнал «Гуаньча»	155
<i>Верченко А.Л.</i> Восприятие России в Китае накануне и в первые годы «Движения за новую культуру»	167
<i>Мамаева Н.Л.</i> Разведывательная деятельность Рихарда Зорге и его группы в Китае (1929—1932) и ее результаты	177
<i>Пожилков И.Е.</i> О некоторых аспектах и особенностях вооруженной контрреволюции в советских районах Цзянси	186
<i>Борох О.Н.</i> Исследование бюрократической политики Китая в работах Ван Янэня 1940-х годов	196
<i>Силонов С.М.</i> Документы ГАНО о пребывании Ло Вэньганя в Новосибирске осенью 1933 г.	207

КНР. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Логиновский Е.Л.</i> Общее и особенное в массовых кампаниях второй половины 1950-х годов в КНР и КНДР	214
<i>Дацьшен В.Г.</i> Китай периода «Большого скачка» в воспоминаниях красноярских инженеров	226

<i>Кондорский Б.М.</i> Исторические основы и предпосылки «культурной революции»	234
<i>Мисбахова Д.Р.</i> «Китайский лексикон» из отдела редких рукописей библиотеки Казанского университета: описание, содержание, история	244
<i>Нежданов В.Л.</i> Политика реформ и открытости: творческое развитие идей конфуцианства в современном мире	252
<i>Фомина М.Р.</i> Из истории экономической мысли: конфуцианство и капитализм	260
<i>Горбунова С.А.</i> Российская и западная историография об особенностях религиозного экстремизма в КНР	269
<i>Анисимцев Н.В.</i> Модернизация гражданского права современного Китая	280
<i>Лазарева Т.В.</i> Действие системы районной национальной автономии: эффект, трудности, инновации	291
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Китай в системе глобального управления в период Си Цзиньпина	307
<i>Абиева А.А.</i> Судьба в истории: Цзянь Боцзань	319
<i>Жилкибаев С.Н.</i> Исторический аспект борьбы с коррупцией в Китае	329
<i>Шулунова Е.К.</i> Китайская театральная культура: традиция и современность	339
<i>Байрамова К.Б.</i> Использование информационных технологий в период «Движения подсолнухов» на Тайване в 2014 г.	349
<i>Степанова Е.Н.</i> Расстановка политических сил на выборах 2016 г. и поиски вектора политического развития Тайваня	357
<i>Смирнов Д.А.</i> Основные аспекты эволюции двух политических режимов в Китае	369

*Александра Александровна Сизова,
к.и.н., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

ОЦЕНКИ МОНГОЛЬСКОГО ДВИЖЕНИЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ НАЧАЛА XX В. В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать особенности отражения в современной китайской историографии событий, связанных с движением за независимость в Монголии в начале XX в. Рассмотрены специфика оценок, данных современными китайскими исследователями политическим процессам в Монголии 1900—1910-х гг., а также определения ими роли России в указанных процессах и характера российско-монгольско-китайских отношений в этот период.

Ключевые слова: монгольское движение за независимость, «монгольский вопрос», китайская историография, монгольско-китайские отношения, российско-монгольско-китайские отношения, Монголия, Китай.

Annotation. This article considers the specific features of the reflection of the historical events associated with the Mongolian national liberation movement in the early 20th century in the contemporary Chinese historiography. The author analyzes the modern Chinese scholars' principles and approaches to the historical conceptualization of the political processes in Mongolia in 1900—1910-s, the role of Russia in these processes and the nature of the Russian-Mongolian-Chinese relations during the period under study.

Keywords: Mongolian independence movement, Mongol problem, Chinese historiography, Mongolia, China, Mongolian-Chinese relations, Russian-Mongolian-Chinese relations.

Борьба монголов за национальное освобождение и обретение Монголией государственности — значимые события в истории Северо-Восточной Азии в первой четверти XX в. Хронология и содержание этих процессов, их влияние на региональную международную систему получили широкое освещение в историографии. Кроме самих монгольских ученых, вклад в их исследование внесли российские, западноевропейские, американские специалисты. Многочисленны работы по данной теме, изданные в КНР и на Тайване.

До недавнего времени позиция большинства китайских ученых, исследующих историю Китая и его внешние контакты в новое время, предполагала непризнание самостоятельности действий Монголии в планировании и осуществлении шагов к достижению независимости в 1900—1910-х годах и допускала утверждения о захватнических целях Российской империи в отношении Внешней Монголии. Оценки историков были схожими и весьма односторонними.

В начале XXI в. рассмотрение вопросов, связанных с историей возрождения монгольской государственности и китайско-монгольских отношений, не теряет научной актуальности. В немалой степени этому способствуют активизация роли КНР в Восточной и Центральной Азии, интенсификация контактов Монголии с Китаем и Россией и выстраивание новых форматов сотрудничества этих государств. Исследования актуализируются и по мере выявления научным сообществом новых фактов, касающихся истории монгольского движения за национальное освобождение. В связи с этим представляется важным изучить, претерпел ли какие-либо изменения дискурс современных китайских трудов по истории «монгольского вопроса» на современном этапе, когда в распоряжении ученых находится больший объем фактов и обогатившийся методологический арсенал. По-прежнему ли независимость Монголии оценивается как результат деятельности «царских империалистов», а Китай в указанных событиях видится потерпевшей стороной?

В последние десятилетия в развитии Монголии, ее северного и южного соседей, а также в мире в целом произошли заметные системные политические, экономические и иные изменения. Значительно изменились архитектоника региональных международных взаимодействий и

система внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов России и государств Северо-Восточной Азии. С середины 1990-х годов начался новый этап российско-китайских отношений, страны активизировали взаимодействие и последовательно развивают отношения стратегического партнерства. В свою очередь, в 1990-х годах Россия, по словам Г.С. Яскиной, «ослабила на первых порах внимание к Монголии»¹, а последняя стала диверсифицировать международные контакты и завоевывать все большую самостоятельность в мировой системе. Китай, напротив, заметно усилил влияние в Монголии, выстроив с ней весьма эффективный механизм экономических и политических отношений. Подписанный в ходе визита в Монголию председателя КНР Си Цзиньпина в августе 2014 г. пакет двусторонних документов нацелен на укрепление китайско-монгольского взаимодействия, которое вышло на один из самых высоких уровней международного сотрудничества — «всестороннего стратегического партнерства».

В последние годы взаимный интерес России и Монголии стал возрастать. Соглашения, достигнутые на высшем уровне в ходе визита президента РФ В.В. Путина в Монголию в сентябре 2014 г., открывают для сотрудничества новые горизонты². При этом, по мнению большинства экспертов, символом новой эпохи в развитии отношений Монголии как с Россией, так и с Китаем являются договоренности о создании трехстороннего формата взаимодействия по важнейшим направлениям их отношений и международным вопросам (так называемого Улан-Баторского диалога), а также о реализации трехсторонних проектов экономического сотрудничества (в первую очередь, соединения «Экономического пояса Шелкового пути» с Транссибирской магистралью и монгольской инициативой «Степного пути», создания российско-китайско-монгольского экономического коридора)³.

Авторы китайских, российских, монгольских и прочих публикаций, последовавших за визитами лидеров КНР и РФ в Монголию в 2014 г., практически единодушны во мнении о том, что формирующийся трехсторонний механизм контактов Монголии с соседями, выходящий за пределы исключительно Центрально-Азиатского региона, создает новую модель международного взаимодействия в Северо-Восточной Азии. Эксперт МГИМО (У) Фань Сюэсун полагает, что договоренности трех стран свидетельствуют о некоем «перевороте в международной политике в новой обстановке»: Китай и Россия возлагают на него надежды для усиления собственного влияния в Евразии, при этом Китай «намерен

предоставить своим соседям возможности и пространство для совместного развития»⁴. По мнению многих специалистов, активные шаги позволят Монголии укрепить ее позиции на международной арене, чего страна также пытается достичь и путем сближения с Россией на фоне усиливающейся зависимости от Китая, и посредством активизации диалога о вступлении в Шанхайскую организацию сотрудничества. В частности, японский автор Юкиясу Арай отмечает, что Китай «не хочет, чтобы Монголия осознала свою геополитическую важность по отношению к Китаю», и ей, в свою очередь, для сохранения баланса в отношениях с последним приходится все больше опираться на Россию⁵.

Ввиду упомянутых трансформаций во внутригосударственном развитии и в международных взаимодействиях стран Северо-Восточной Азии можно предположить, что изменения произошли и в подходах к оценке отдельных событий в истории отношений России, Китая и Монголии, в том числе во взглядах Китая на национально-освободительное движение в Монголии в 1910-х годах и влияние российского фактора на этот процесс. В настоящей работе кратко рассмотрены некоторые особенности оценок, данных рядом современных китайских исследователей событиям в Монголии начала XX в. и роли в них России, а также развитию российско-монгольско-китайских отношений⁶, и предпринимается попытка выяснить, насколько эволюционировали позиции историков КНР по данным вопросам. Основой для анализа послужил ряд научных публикаций, изданных в КНР в 2000—2010-х годах.

Среди основных концептуальных положений, с позиций которых рассматриваются события в Монголии в начале XX в., в трудах 1990-х — первой половины 2000-х годов можно выделить следующие.

Авторам многих публикаций присуща убежденность в том, что вся ответственность за ситуацию, сложившуюся в Монголии к 1911 г., лежит на царской «военно-феодальной» России, империалистические устремления которой толкали ее на провокации с целью отрыва Монголии от «миролюбивого» Китая. Подчеркивается «единоличная деятельность России по отделению Внешней Монголии от Китая», ставшая «темным пятном в истории двусторонних связей»⁷. Ученые дают этому своеобразное историческое и идеологическое обоснование, утверждая, например, что «...претензии царской России на присвоение Монголии имеют давнюю историю»⁸, а события 1911 г. — «результат планомерной деятельности царской России, воспользовавшейся Синьхайской революцией..., сговорившейся с феодальными князьями Внешней Монго-

лии и спровоцировавшей их отделиться от Китая, что стало в одиночку срежиссированной Россией исторической марионеточной игрой»⁹. Красной нитью в работе научного сотрудника Академии общественных наук Китая Лю Цунькуана проводится мысль о стремлении России к захвату Монголии и агрессии в Китае¹⁰. В статье об истории заключения российско-монгольских соглашения и торгового протокола 1912 г. Фань Минфан указывает на силовое давление российских дипломатов в Урге на китайские власти с целью получения признания последними результатов российско-монгольского соглашения 1912 г.¹¹ Вполне очевидно, что историки в исследовании данного вопроса по-прежнему использовали практику «демонизации» другой державы, представляя Российскую империю в качестве силы, угрожавшей Китаю.

Противоречивы утверждения китайских авторов о том, что Россия обещала монголам помощь в достижении независимости, и это отвечало ее интересам: «Осуществить откол Монголии от Китая с давних пор было общим желанием царской России и высших феодальных слоев Внешней Монголии»¹². Независимость Монголии подается как долгосрочная цель политики Петербурга. При этом не учитывается то, что внешнеполитическая стратегия России в Северо-Восточной Азии в изучаемый период претерпевала изменения под воздействием структурных и процедурных факторов. Позиция и характер внешнеполитического поведения России в отношении Китая и его приграничных регионов представляются китайскими учеными как довольно жесткие и статичные. Мотивам же поведения китайской и монгольской сторон, внутренним дискуссиям по «монгольскому вопросу», анализу процесса формирования позиций и принятия решений монгольскими и китайскими участниками взаимодействия не уделяется достаточного внимания. Так, например, приводя хронологию событий 1911—1915 гг. и описывая процесс двусторонних и трехсторонних переговоров, подписания соглашений и деклараций, историк Лю Цунькуан апеллирует лишь к действиям и планам царизма, в то время как позиция Китая, ответом на которую во многом и были шаги России, остается неосвещенной.

В то же время в российской историографии причины изменений в «монгольской» политике Китая в конце XIX — начале XX в. исследованы довольно подробно. По мнению многих российских авторов, «новая политика» Пекина в Монголии в начале XX в., а также системный кризис, усугубившийся в Цинской империи в данный период, дали основной толчок разрыванию национального движения в Монголии и соз-

дали благоприятные условия для реализации устремлений монголов к формированию («возрождению») государственности. Влияние на политику Пекина, в свою очередь, оказали как внутренние факторы, так и изменение геополитической ситуации на Дальнем Востоке в связи с усилением внешнеполитической активности Японии и проникновением западных держав в Китай. Однако в анализируемых работах комплексного исследования данных факторов не проводится.

Общей чертой рассматриваемых трудов является недостаточно глубокое освещение внутренних причин так называемого монгольского «сепаратизма», отсутствие анализа социально-экономического и политического положения Монголии в составе Китая, политики пекинского правительства как факторов, повлиявших на развитие Монголии. Подробному изучению не подверглись подлинные причины тяготения монголов к России в 1900—1910-е годы, внутренняя борьба и дискуссии среди монгольской элиты относительно внешнеполитической ориентации, осложнявшие процесс урегулирования китайско-монгольского спора. В качестве основной причины национально-освободительного движения авторы склонны видеть политическую активность России в отношении Монголии. Несмотря на стремление монголов к независимости и созданию «Великого монгольского государства» на основе объединения всех монгольских народностей в течение долгого времени, утверждается, что именно воздействие России в этот период стало ключевым фактором развития политической борьбы монголов и именно Петербург навязал этому региону Китая автономию. Это, по мнению китайских экспертов, принесло «монголам и китайцам большие убытки, и только Россия получила огромную выгоду от... агрессии. Действительный статус Монголии был не «независимым» и не «автономным», она являлась колонией, находившейся под протекторатом России»¹³. Таким образом, в китайской научной литературе роль собственно монгольской элиты в выборе будущего для страны предметно не анализируется и ее оценки выглядят довольно спорными.

Китайскими историками не всегда принимается во внимание тот факт, что, вопреки высказывавшейся в первой половине 1910-х годов в российских общественно-политических кругах идее о возможности «принятия» Монголии в «лоно» России и даже его потенциальных выгодах, преобладающей стала более прагматическая позиция по данному вопросу¹⁴. Несмотря на соответствующее обращение монгольских национальных властей, правительство России отвергло идею о вхождении

Монголии в состав империи, не найдя аргументов в пользу этого шага ввиду рисков, которые могло бы повлечь подобное изменение на политической карте. Среди потенциальных рисков можно назвать неминуемые противоречия с Китаем, необходимость защиты протяженного и малонаселенного участка границы с ним, возможную острую реакцию держав и нежелательное для России изменение стратегического баланса сил в Северо-Восточной Азии.

Особенностью китайских публикаций по «монгольской проблеме» начала 2000-х годов является их довольно краткая историографическая часть, в рамках которой практически незаметна проработка российской и монгольской историографии. В том числе без внимания остались результаты изучения проблем взаимодействия России, Монголии и Китая И.Я. Златкиным, И.М. Майским, Ш.Б. Чимитдоржиевым, Е.А. Беловым, С.Г. Лузяниным, Ю.В. Кузьминым, В.А. Моисеевым и другими авторами¹⁵. Известные работы монгольских исследователей¹⁶ также мало задействованы в анализе. В то же время, например в статье Лю Цунькуана, широко используются оценки американских и британских исследователей по вопросу об «отложении» Монголии от Китая¹⁷. Односторонность характера и выборочность источников и литературы имеют следствием односторонность подхода в данных исторических и политологических работах, делая уместным вопрос об объективности предложенных выводов.

Следует отметить, что в рассмотренных исследованиях практически не используются современные подходы, методы и методики исторической и международно-политологической наук. Изложение нередко носит нарративный характер и не свободно от излишней генерализации. При рассмотрении российско-китайских взаимодействий начала XX в. исследователи представляют политику России как «агрессивную», по содержанию и духу мало отличающуюся от политики других европейских держав в Китае. Несмотря на определенный поворот к плюрализму мнений и подходов под влиянием глобализации науки и современных достижений в теории международных отношений, в характере научного познания наблюдаются отголоски китаецентризма и изучения исторических событий через призму идеологии.

Таким образом, оценки по «монгольской проблеме», представленные в работах китайских исследователей 1990 — первой половины 2000-х годов, в целом оставались созвучными оценкам 1960—1980-х годов. Они преимущественно отражали видение роли России в событиях

национально-освободительного движения в Монголии и обретении страной автономии как экспансивной. Историки по-прежнему отрицали проведение Пекином особой политики в Монголии в качестве важного триггера развития монгольского освободительного движения. Истоки же монгольского «сепаратизма» и политическая борьба в Монголии в 1910-х годах рассматривались в тесной связи с «подстрекательством» России.

Во второй половине 2000-х годов в китайской историографии стал наблюдаться пересмотр взглядов на характер политики России на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. в пользу большей взвешенности¹⁸. Среди современных работ, анализирующих внешние сношения Китая в этот период с помощью нового политологического инструментария, можно выделить исследования Чжоу Фанъиня¹⁹ и Цюань Хэсюй²⁰, в которых изучаются движущие силы внешней политики и эволюция моделей дипломатии Китая в сношениях с Россией и другими державами. Проблемы политики Пекина в отношении национальных окраин в начале XX в. рассматривает Линь Сяотин²¹.

В более поздних работах можно заметить смягчение категоричности оценки роли России в развитии освободительного движения и достижении Монголией автономии. Так, например, в статье, изданной в 2010 г.²², Би Аонань и Алтанвчир отмечают: «Провозглашение “независимости” “Внешней Монголии” произошло не без участия России, но основным фактором было внутреннее обострение отношений»²³. Характеристика российской позиции в «монгольском вопросе», данная исследователями, выглядит более взвешенной, свободной от излишней эмоциональности. Авторы также учитывают воздействие факторов региональной системы международных отношений, в частности роль Японии. Важным является то, что заключение российско-монгольского соглашения 1912 г. о признании автономии Монголии понимается ими как шаг России, сделанный в ответ на просьбу о помощи самой Монголии в условиях стремления правительства Китайской Республики провозгласить данную страну неотъемлемой частью Китая²⁴.

Есть основания полагать, что конструктивные тенденции в китайских международно-политических исследованиях и пересмотр оценки роли России в «монгольском вопросе» обусловлены не только обнаружением новых массивов данных по этой проблеме, постепенной интеграцией социальных наук КНР в мировую науку, но и углублением «стратегического партнерства» Китая с Россией и Монголией. Полити-

зация истории внешних сношений Китая в XIX—XX вв., развитие гипотезы об «исторической обоснованности» принадлежности территории Монголии Китаю, до сих пор обсуждаемой в китаеязычной информационной среде, и ее инкорпорация во внешнеполитическую мысль в КНР могут довольно негативно сказаться на оценке качества и объективности китайских историко-политологических исследований.

Хотелось бы надеяться, что активизация научно-гуманитарных контактов Китая с Монголией и Россией и плюрализация взглядов, в частности, на историю и современность международных связей, будут способствовать преодолению стереотипов и углублению понимания подходов к истории китайско-монгольских отношений и международных процессов в Северо-Восточной Азии. Возможно, комплексные исторические и политические, а также историографические исследования Монголии и Китая, анализ их отношений с Россией с использованием сбалансированного аналитического подхода и достижений современной научной методологии помогут дать новые ответы на старые вопросы и станут вкладом в развитие продуктивного сотрудничества данных стран.

Примечания

¹ Яскина Г.С. Россия и Монголия: новый этап взаимоотношений (1990 — начало первого десятилетия XXI века) // Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке: Сб. статей. М., 2001. С. 203.

² Россия и Монголия отменили визы // Российская газета. 03.09.2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/09/03/vizit-site.html>.

³ Гольман М. «Треугольник»: Россия—Монголия—Китай // Новое Восточное Обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/2014/10/27/rus-treugol-nik-rossiya-mon-goliya-kitaj/>.

⁴ Фань Сюэсун. Китай и Монголия: новый уровень стратегического партнерства // Портал МГИМО. URL: <http://www.mgimo.ru/news/experts/document261738.phtml>.

⁵ 荒井 幸康 (Yukiyasu Arai). モンゴルに秋波を送る中国とロシア // Japan Business Press. 2014.10.15. URL: <http://jbpres.ismedia.jp/articles/-/41959>.

⁶ Diplomacy of China (Дипломатия Китая). Пекин, 2000; Цзиньдай гоцзи гуаньси ши / Ши Син хэ чжубянь (История международных отношений в Новое время). Хэфэй, 2003; Лю Цунькуан. Чжун Э гуаньси юй Вай Мэнгу цзы Чжунго дэ фэнли (1911—1915) (Китайско-российские отношения и отделение Внешней

Монголии от Китая (1911—1915 гг.) / Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 151—166; *Фань Минфан*. 1912 нянь «Э Мэн сеюэ» цзи Э Мэн «Шаньбу чжуаньтяо» чжи цянньдин (Заключение «Российско-монгольского соглашения» и российско-монгольского «торгового протокола» 1912 г.) / Чжун Э гуаньси дэ лиши юй сяньши (История и современное состояние китайско-российских отношений). Кайфэн, 2004. С. 167—185; Дун Я ши / Ян Цзюнь, Чжан Най хэ чжубянь (История Восточной Азии с древности до конца XX в.). Чанчунь, 2006; *Сюнь Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому*. Гауньюй Миньго шици Вай Мэнгу дули шицзянь дэ хуэйгу юй сыкао (Размышления об отделении Внешней Монголии от Китая в период Китайской Республики) // Исследование и преподавание истории партии. 2007. Вып. 2. С. 72—77.

⁷ Лю Цунькуан. Указ. соч. С. 163.

⁸ Цзиньдай гоцзи гуаньси ши. С. 405.

⁹ Лю Цунькуан. Указ. соч. С. 151.

¹⁰ Более подробно данная работа рассмотрена в статье: *Старцева А.А., Старцев А.В.* «Монгольский вопрос» начала XX в. в современной китайской историографии // Сибирь и Центральная Азия: проблемы этнографии, истории и международных отношений. Третьи научные чтения памяти Е.М. Залкинда. Материалы международной научной конференции (г. Барнаул, 18 мая 2007 г.). Барнаул, 2007. С. 194—212.

¹¹ *Фань Минфан*. Указ. соч. С. 167—185.

¹² Лю Цунькуан. Указ. соч. С. 152.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911—1919 гг.). М., 1999. С. 39—45.

¹⁵ *Златкин И.Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М., 1957; *Майский И.М.* Монголия накануне революции. М., 1960; История Монгольской Народной Республики. М., 1983; *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М., 1987; *Попова Л.П.* Общественная мысль Монголии в эпоху «пробуждения Азии». М., 1987; *Белов Е.А.* Указ. соч.; *Кузьмин Ю.В.* Дискуссионные проблемы истории Монголии первой половины XX в. в историографии России и Монголии // Владимирцовские чтения — III. М., 1995; *Лузянин С.Г.* Россия—Монголия—Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911—1946 гг. М., 2000; *Моисеев В.А.* Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX — 1917 г.). Барнаул, 2003.

¹⁶ *Чойбалсан Х.* Краткий очерк истории Монгольской народной революции. Пер. с монг. М., 1952; *Нацагдорж Ш.* Из истории аратского движения во Внешней Монголии. М., 1958; *Ширендыб Б.* История Монгольской народной револю-

ции 1921 г. М., 1971; *Dashpurev D., Usha Prasad*. Mongolia: Revolution and Independence. 1911—1992. New Delhi, 1993; *Baabar Bat-Erdèniin*. Twentieth Century Mongolia / Ed. by С. Kaplonski. Cambridge, 1999; *Магсаржав Н.* Монгол улсын шинэ туух (Новейшая история Монголии). Улаанбаатар, 1994; *Жамсран Л.* Монголын сэргэн мандалтын эхэн, 1911—1913 (Начало эпохи возрождения Монголии, 1911—1913). Улаанбаатар, 1992; *Лхамсүрэн Б.* Монголын гадаад орчин, торийн тусгаар тогтнол (Внешняя среда и государственная независимость Монголии). Улаанбаатар, 1995; *Батсайхан О.* Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос Монгол гурван улсын 1915 оны Хиагтын гэрээ, 1911—1916 (Монгольская независимость и китайско-русско-монгольское Кяхтинское соглашение 1915 г., 1911—1916). Улаанбаатар, 2007.

¹⁷ *Tang P.* Russian and Soviet Policy in Manchuria and Outer Mongolia, 1911—1931. Durham, 1959; *Paine S.C.M.* Imperial Rivals, China, Russia and Their Disputed Frontier. M.E. Sharpe Inco, 1996; *Phillips G.D.R.* Russia, Japan and Mongolia. L., 1942.

¹⁸ *Сунь Чжунцин.* Китайская политика России в русской публицистике конца XIX — начала XX вв.: «желтая опасность» и «особая миссия» России на Востоке. М., 2008; *Сюн Цзяньцзюнь, Чэнь Шаому.* Указ. соч.

¹⁹ *Zhou Fangyin.* The Role of Ideational and Material Factors in the Qing Dynasty Diplomatic Transformation // Chinese Journal of International Politics. 2007. Vol. 1. P. 447—474.

²⁰ *Quan Hexiu.* The Two Systems of Diplomacy of Late Qing China. External Relationship, Modernization and Transitional Phase // Journal of Northeast Asian History. June 2006. Vol. 5. № 1. P. 21—44.

²¹ *Lin Hsiao-ting.* Modern China's Ethnic Frontiers: A Journey to the West. Taylor & Francis, 2010. P. 8—9.

²² *Би Аонань, Алтанвчир.* Чжун Э гуаньси юй мэngu вэнти, 1911—1924 (Китайско-российские отношения и «монгольский вопрос», 1911—1924) // Чжунсу лиши сюаньань дэ чжунцзе (Решение спорных вопросов в истории китайско-советских отношений). Пекин, 2010. С. 21—77; *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения и проблема Монголии (1911—1924 гг.) // Спорные проблемы в истории китайско-советских отношений и их решение. Экспресс-информация. № 6. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 17—36.

²³ *Би Оунань и др.* Китайско-российские отношения... С. 18.

²⁴ Там же. С. 20.